

Эстония сегодня

Издание поддерживают:
Европейский фонд интеграции
граждан третьих стран,
Министерство культуры
и Фонд интеграции и миграции
"Наши люди"

Все дороги ведут в Москву

Эстонская внешняя политика - на 99% политика российской направленности. В определенном смысле это даже русская политика, если радикализировать этот тезис. Ведь ее объектом и проблемой являются не только сегодняшняя реальность России, как государства и соседа, но и соседство российских территорий, формировавшее и формирующее прошлое и будущее территорий эстонских. "Политика памяти", внешняя политика и эстонские видения будущего, насколько они имеются, - это три стороны одной медали.

Разумеется, мы можем разорвать эстонскую внешнюю политику, так сказать, по кирпичикам, и показать, что Россия в номенклатуре тем второстепенна или даже третьестепенна.

У Эстонской Республики имеются очень высокопарные стратегические документы, в которых Россия даже не упоминается.

Однако это аномалия, глубокий парадокс. Каждый, кто хоть немного углубится в суть дела, знает, что бывают отсутствия, которые в своей отдаленности и небывти реальнее, нежели все перечисленное и присутствующее.

Отсутствие подобно картине, говорящей больше, чем тысяча слов.

Да, задающие направление эстонской внешней политики приоритеты - это членство в НАТО и Евросоюзе.

Однако под этими ориентирами имеется слой элементарных ориентаций, получающих свою полярность все-таки из первоизданной российской проблемы.

Разумеется, это гораздо очевиднее действует на уровне таких отношений, как эстонская внешняя политика в направлении Белоруссии, Украины, Молдовы, Грузии или Средней Азии. Вся она по сути своей прикладная - применение им дает связь с российской политикой.

Да, ЕС и НАТО привносят измерения - развитие стабильности, демократии, состоятельности и пр. в Восточной Европе и по соседству с ней. Эстония участвует в формировании политик обоих, сама оказывает денежную помощь и занимается прочим тому подобным. Однако и тут все дороги рано или поздно ведут в Москву.

Раскрывающая глаза статистика

Эстонский собственный внешнеполитический идентитет крайне примитивен. Сама Эстония проявляется в нем как точечная масса, идеальное теоретическое национальное государство 19-го века в столь же идеальное-теоретическом мире, в котором межгосударственные отношения регулируются договорным международным правом. В идеале Эстония вела бы свое дело полностью в статическом мире -

при предпосылке, что последний стабилен и спокоен.

Почему эстонская внешняя политика находит себя между Сциллой и Харибдой такой полурациональной конструкции и связанных с Россией сырых инстинктов и эмоций, не бог весть какая загадка. Раскрывающим глаза для стороннего наблюдателя могло бы стать опубликованное в журнале "Looming" эссе "О древней государственности и общественном порядке Эстонии", написанное в 1932 году историком Юри Улуотсом, впоследствии ставшим премьер-министром первой Эстонской Республики.

Меньше, нежели хроника Генриха Латвийского, нас интересует в статье приложение к ней, в котором лаконично и беспристрастно перечислены подтвержденные историческими источниками нападения русских на эстонские территории со средневековья до сегодняшнего дня.

Не будет преувеличением сказать, что в той или иной форме "русские приходили" в течение последнего тысячелетия в среднем каждые десять лет, если не чаще.

Потенциальная угроза и сегодня

С другой стороны, игровое пространство рациональности эстонских политиков ограничивается, конечно, самой сегодняшней Россией. То обстоятельство, что Россия все же является потенциальной угрозой для своих соседей, - не идефикс эстонских политиков (хотя с его эксплуатацией бесспорно перегибают).

Проиллюстрируем это парой очень актуальных анализов, касающихся растущего давления России на Украину в тот момент, когда та готовится подписать с ЕС соглашение об ассоциации, которое может открыть двери перед очень глубокой интеграцией в западном направлении.

Далекие от того, чтобы переживать за развитие Украины, президент Владимир Путин и его ближайшее окружение, как известно, угрожали Киеву всевозможными неприятными последствиями.

Один из анализов дан старшим инспектором одного из влиятельнейших лондонских "мозговых центров" "Royal Institute of International Affairs" (так называемого "Chatham House") по России и Восточной Европе Джеймсом Шерром.

В данном украинском порталу интервью Шерр анализирует российско-украинские отношения и с железной логикой приходит к выводу, что давление России на Украину экзистенциально для ее нынешнего руководства: Россия боится за себя.

Точнее, руководимый Владимиром Путиным режим опасается за свое будущее: если бы Украина смогла жить [после заключения договора об ассоциации с ЕС], как нор-

АХТО ЛОБЬЯКАС, ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИТИК И КОЛУМНИСТ

мальное европейское государство, [то] почему бы и Россия не смогла?

Новая Берлинская стена

Однако корни проблемы куда глубже, и уход Путина не обязательно что-то изменит. Остановимся на мгновение на этом пронизательном выражении мнения: "Россия считает, что украинцы являются ветвью русского народа - как и белорусы: они - часть более широкой русской цивилизации; весь регион связан общей историей и культурой; их экономики всегда взаимозависели и были переплетены; естественно, что эти связи и схожесть должны усиливаться... По-моему, эти взгляды разделяют в объеме российской политической спектра как люди, поддерживающие Путина, нынешнюю систему и властные структуры, так и люди, которые всей душой все это не любят".

Парадоксальным образом Путин выглядит в этом сравнении довольно хорошо: его "Россияне" - хоть и имперриальная концепция, но, по крайней мере, она теоретически гораздо более масштабна и толерантна, чем, к примеру, видение центральной роли России (русских) Алексеем Навальным. Время от времени в беседах с друзьями и знакомыми из числа русских мне приходится объяснять, почему Эстония в начале 1990-х отошла от других товарищей по судьбе из бывшего СССР. Одним из возможных ответов в сегодняшнем контексте может стать цитата Анатолия Яценюка - украинского сторонника независимости и оппозиционера, сказавшего недавно

в газете "Frankfurter Allgemeine Zeitung", что Россия хочет построить новую Берлинскую стену. На сей раз не в Германии, а на западной границе Украины.

Расширяя эту метафору Берлинской стены как во времени, так и в пространстве: в России, хотя она и является крупнейшим в мире по площади государством, исторически доминировала достойная со-

- То обстоятельство, что Россия все же является потенциальной угрозой для своих соседей, - не идефикс эстонских политиков (хотя с его эксплуатацией бесспорно перегибают).

жаления склонность к предпочтению закрытых системы и пространств. "Тюрьма народов" - вот один из радикальных способов охарактеризовать данную ситуацию, однако даже в "раю народов" возник бы вопрос: для чего им ворота? Отсюда мы по кругу возвращаемся к Эстонии и к ее внешней политике. Ее цель (если учесть, что она на 99% российской направленности) - добиваться открытости во времени и пространстве. Полный ориентированности на деятеля (заимствуя термин из философии, от английского слова *actorship*), но ограничиваемой ни местоположением, ни величиной государства. В соответствии с этими предпочтениями, исторически противоположными устремлениями

России, она ищет также союзников. В Грузии, на Украине, в Молдове - повсюду, где поднимает голову такая же страсть к автономии.

Неловкий момент

Ищет союзников и задает вопросы позднее - как получилось с Грузией. Грузия, где члены эстонского правительства годами лично ставили на Михаила Саакашвили и избранный им курс, является ярким примером такой политики. В определенный момент возник диссонанс между союзнической логикой и ценностями - и это стало для правительства довольно неловким моментом.

Часть причин тому, бесспорно, внутривнутриполитические. Работу на грузинском направлении годами курировал IRL: поначалу через экс-премьера Марта Лаара и недавно - через министра обороны Урмаса Рейнсалу. Национально-консервативный IRL - одна из наиболее принципиальных антироссийских сил в Эстонии, в нем есть министры, противостоящие даже заключению нового пограничного соглашения.

Антироссийская воинственность Саакашвили начисто лишила Лаара, Рейнсалу и приближенных к ним лиц всяческой критичности и способности анализировать. После прихода к власти Бидзины Иванишвили в эстонско-грузинских отношениях образовался вакуум, который начали заполнять президент Тоомас Хендрик Ильвес, пригласивший нового премьер-министра в сентябре с визитом в Эстонию.

Крупнейший правительственный партнер Партия реформ поддерживала в Грузии низкий профиль. Премьер-министр Андрус Ансип последний раз посещал Тбилиси в 2007 году. В то же время и у Партии реформ имеется своя повестка дня, правда, более прагматичная. Она нацелена на более прагматичные государства по соседству с Россией, особенно на Среднюю Азию, где премьер-министр бывает практически раз в год. Однако исходные точки совпадают как в идеалистической, так и в прагматической национальной ориентации. Ни одна из ведущих эстонских внешнеполитических линий не считает разумным делать ставку на прямые связи с Россией. Ильвес попробовал в 2008 году, находясь там по приглашению Медведева на финно-угорской конференции, однако, отбыл, хлопнув дверью. Премьер-министр впервые во время пребывания в должности побывал там с первым визитом в апреле.

Таким же образом не находят смысла тратить время на Белоруссию, ситуацию в которой вряд ли понимают и которую считают безнадежным случаем - иными словами, полагают, что это государство безнадежно затерялось в российской империи.

ОПРОС

КАКОЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ ВАМ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЭСТОНИИ?

Евгений КАПОВ, независимый журналист (Кохтла-Ярве):

- Проще всего было бы ответить одной фразой: "Да никакой". Мол, нет у Эстонии своей внешней политики, так как она является "эхом" главного союзника, рупором Белого дома. И пример привести можно - хотя бы то, как два раза на дно Урмас Паэт поменял свое мнение о "наказании" Сирии.

Но утверждать так однозначно было бы несправедливо. Вопрос в том, куда сделать логическое ударе: если на "отсутствие" - то это неправда, она есть, но только больно уж странная, а если выделить слово "своя", то ответ напрашивается сам собой. Увы, но это - политика с явно антироссийским ароматом, и фабрика по производству этого одоранта находится отнюдь не в Эстонии.

У Эстонии есть своя внешняя политика. Только формируется она не волей народа, которую призваны озвучить народные избранники - парламентарии, а горсткой партийных функционеров.

С каким удивлением недавно смотрели жители Эстонии прямую трансляцию дебатов в английском парламенте по вопросу - поддержать или нет военную акцию в Сирии. Парламент большинством голосов сказал "Нет". И премьер подчинился его воле. Вот это называется внешней политикой самостоятельного, независимого, по-настоящему демократического государства. А теперь вспомните, кто сможет, когда нечто подобное происходило в Рийгигогу?..

Катри РАЙК, директор Нарвского колледжа Тартуского университета:

- Для меня, членкини Эстонии и Нарвы, эстонская внешняя политика прежде всего связана с Евросоюзом и НАТО. Через эти организации наше государство самоопределилось. Мир - мал, все важнее для нас становятся наши соседи. И из соседей не красиво предпочесть одного другому. Россия - наш большой сосед.

Две трети школьников-эстонцев учат в школе русский язык как иностранный. Русская культура, музыка, еда - все больше в чести в Эстонии. Петербург летом полон эстонских туристических автобусов. Все это подтверждает, что у нас велик интерес к своему соседу.

У каждого государства и народа имеется наряду с официальной внешней политикой народная дипломатия. Я общаюсь с высокопоставленными университетскими чиновниками и преподавателями по всей России: в Белгороде, Волгограде, Архангельске, Якутске, Перми, Пскове, Москве, Петербурге. Сотрудничество с этими людьми интересно для Тартуского университета, и мы тоже интересуемся им. Российское высшее образование ищет тесного сотрудничества с Европой. Почему интересна Эстония - ответ на этот вопрос дал мне один мой московский друг. Он сказал: "С русским языком можно справиться в мире в двух местах: в Израиле и Эстонии". Потом поправился и сказал: "Я имел в виду, в Нарве".

